

Перевод – Дербенев Максим, 2025

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ

Брюссель, 2.06.2025

COM(2025) 268 final

**ДОКЛАД КОМИССИИ ЕВРОПЕЙСКОМУ ПАРЛАМЕНТУ, СОВЕТУ И
ЕВРОПЕЙСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И СОЦИАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ**

**о применении Регламента (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и
Совета от 12 декабря 2012 года о юрисдикции, признании и приведении в
исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам (новая
редакция)**

{SWD(2025) 135 final}

1. Введение

1.1. Предпосылки

Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2012 года о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (переработанная редакция)¹ (далее «Регламент») является, безусловно, основой системы международного частного права ЕС. Он устанавливает единообразные правила разрешения коллизий юрисдикции и задает стандарт свободного обращения судебных решений, официальных документов и судебных урегулирований на территории Европейского союза, конечной целью чего является обеспечение доступа к правосудию во всех сферах гражданского и коммерческого права за пределами семейного, наследственного и конкурсного права. Регламент отменил и заменил Регламент Совета (ЕС) № 44/2001 о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам² («Брюссель I»).

Регламент в значительной степени подтвердил и усилил положения своего предшественника, но также ввел ряд важных новшеств, включая отмену процедуры экзекватуры.

Регламент в редакции изменений 2014 года³ применяется с 10 января 2015 года во всех государствах-членах, включая Данию⁴.

1.2. Подготовка и цели настоящего Доклада

Настоящий Доклад подготовлен в соответствии со статьей 79 Регламента. При его подготовке основным источником информации о применении Регламента являлась практика Суда Европейского союза («СЕС» или «Суд»)⁵. В Докладе также используются выводы исследования, заказанного Комиссией для подготовки

¹ OJ L 351 от 20.12.2012, с. 1.

² OJ L 12 от 16.01.2001, с. 1.

³ Регламент (ЕС) № 542/2014 Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 года о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 1215/2012 в части правил, подлежащих применению в отношении Единого патентного суда и Бенилюкского суда юстиции, OJ L 163 от 29.05.2014, с. 1. Поправка была направлена, во-первых, на обеспечение реализации так называемого «патентного пакета» посредством допуска вступления в силу Соглашения о создании Единого патентного суда (OJ C 175 от 20.06.2013, с. 1) и, во-вторых, на обеспечение соответствия настоящему Регламенту указанного Соглашения, а также Протокола к Договору Бенилюкса 1965 года.

⁴ Дания применяет Регламент в соответствии с Соглашением от 19 октября 2005 года между Европейским сообществом и Данией о подсудности, признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам, OJ L 299 от 16.11.2005, с. 62.

⁵ Были рассмотрены только постановления и заключения генеральных адвокатов, вынесенные до 1 апреля 2025 года.

настоящего Доклада⁶ («Исследование»). В рамках Исследования были проведены консультации с государствами-членами; их позиции, а также дополнительные материалы, представленные отдельными государствами-членами по запросу Комиссии на заседании Рабочей группы Совета по гражданским делам (общие вопросы) 28 февраля 2024 года, были учтены.

Кроме того, при подготовке Доклада учитывались результаты проекта JUDGTRUST⁷ и информация о практическом применении Регламента, собранная в ходе 2023 года через Европейскую судебную сеть по гражданским и коммерческим делам. В случае наличия — изучалась соответствующая национальная судебная практика.

Цель Доклада заключается в представлении общей оценки применения Регламента с особым акцентом на наиболее сложные вопросы, а также на вопросы, прямо перечисленные в статье 79. Помимо этого, Доклад рассматривает новые и формирующиеся направления, включая цифровизацию, коллективные средства судебной защиты и сферы, которые могли бы выиграть от упрощения и модернизации действующих правил.

Дополнительная информация по отдельным вопросам, включая более детальный анализ и ссылки на практику СЕС, содержится в рабочем документе служб Комиссии, прилагаемом к настоящему Докладу.

1.3. Общая характеристика применения Регламента

В целом признается, что Регламент является высокоэффективным инструментом, а такие усовершенствования, как отмена экзекватуры, укрепили судебное сотрудничество по гражданским и коммерческим делам и были положительно восприняты государствами-членами и заинтересованными сторонами. Правила Регламента в целом считаются ясными и простыми, что высоко ценится практикующими юристами.

Существует также широкое согласие в том, что практика СЕС в принципе обеспечивает достаточные разъяснения и ориентиры для судебных органов при применении Регламента. Вместе с тем по некоторым специфическим вопросам ряд

⁶ Исследование было подготовлено Milieu SRL и доступно в Публикационном бюро ЕС (europa.eu).

⁷ Проект «Регламент Брюссель Ia: стандарт свободного обращения судебных решений и взаимного доверия в Европейском союзе» (JUDGTRUST), финансируемый Программой правосудия Европейской комиссии (JUST-AG-2017/JUST-JCOO-AG-2017), был реализован Институтом Т.М.К. Ассера в сотрудничестве с Гамбургским университетом, Антверпенским университетом и Международным юридическим институтом. Основные выводы проекта доступны на сайте Asser.nl.

государств-членов отмечают сложность толкования и указывают на необходимость законодательного уточнения.

Учитывая общее удовлетворение функционированием Регламента, любые изменения должны отвечать реальным практическим потребностям и не должны подрывать стабильную и хорошо функционирующую систему. В частности, такие изменения должны быть направлены на дальнейшее упрощение Регламента и снижение административной нагрузки, особенно для слабой стороны правоотношений, например потребителей или малых и средних предприятий. Одновременно вопросы, которые могут быть должным образом урегулированы будущей судебной практикой, не должны становиться предметом законодательного вмешательства.

2. Сфера применения и определения

2.1. Сфера применения (статья 1)

Регламент применяется к гражданским и коммерческим делам при наличии трансграничных элементов. При этом определенный круг правоотношений, которые формально могли бы квалифицироваться как гражданские или коммерческие, прямо исключены из сферы его действия. В целом положения о сфере применения функционируют эффективно, однако ряд вопросов толкования регулярно возникает вновь, в особенности в отношении понятий «трансграничные элементы» и исключения арбитража.

Исходя из практики Суда ЕС и консультаций, проведенных в рамках Исследования, ряд вопросов требует особого внимания при оценке применения Регламента:

- критерий, используемый при определении наличия трансграничного элемента;
- определение понятия «гражданские и коммерческие дела»;
- разграничение требований, вытекающих из процедур несостоятельности (исключены из сферы действия);
- исключение арбитража⁸.

Исключение арбитража

Вопросы, связанные с арбитражем, исключены из сферы применения Регламента с момента принятия Брюссельской конвенции 1968 года. Однако Регламент усилил данное исключение путем включения разъясняющего текста в преамбулу (соображение 12), а также посредством специальной нормы статьи 73(2), направленной на предотвращение перекрытия с Конвенцией о признании и

⁸ За исключением данного положения, рассмотренного ниже, остальные три вопроса представлены более подробно в Части I рабочего документа служб, прилагаемого к настоящему Докладу.

приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года⁹ (Нью-Йоркская конвенция).

В решении по делу *London Steam-Ship Owners' Mutual Insurance Association* (C-700/20), вынесенном в 2022 году в рамках Регламента «Брюссель I», Суд ЕС постановил, что противоречащее судебное решение, вынесенное в соответствии с условиями арбитражного решения, может препятствовать признанию судебного решения другого государства-члена на основании статьи 34(3) Регламента «Брюссель I» (статья 45 Регламента). При этом Суд связал применение данного основания отказа с условием, что содержание арбитражного решения могло бы быть предметом судебного решения, вынесенного в соответствии с правилами Регламента «Брюссель I». Следует подчеркнуть, что вывод Суда основан не на противоречии иностранного судебного решения арбитражному решению как таковому, а исключительно на противоречии решению, подтверждающему арбитражное решение. Одновременно Суд постановил, что ссылка на оговорку о публичном порядке в таких обстоятельствах не подлежит удовлетворению.

Исследование зафиксировало неоднородную картину. Хотя большинство респондентов не сталкивалось с проблемами при применении исключения, национальная судебная практика восьми государств-членов показывает, что арбитражное исключение распространяется не только на признание и исполнение арбитражных решений, но и на признание и исполнение судебных решений, подтверждающих такие арбитражные решения. Такая практика, по-видимому, расходится с выводами Суда в деле *London Steam-Ship Owners' Mutual Insurance Association*.

Данное решение Суда ЕС также высвечивает иную проблему, а именно отсутствие правила о «*lis pendens*» в отношении арбитражных разбирательств. На практике риск возникновения противоречий между арбитражными решениями или судебными решениями, подтверждающими такие решения, и иными судебными актами мог бы быть снижен или полностью устранен путем установления четкого правила приоритета. В рамках возможной будущей ревизии Регламента представляется целесообразным рассмотреть возможность включения ясного правила «*lis pendens*», способного предотвратить ситуации противоречивых решений между арбитражным решением (или судебным актом, его подтверждающим) и иным судебным решением.

2.2. Определения (статьи 2 и 3)

Регламент содержит ряд определений, включая определения понятий «судебное решение», «судебное урегулирование» и «официальный документ».

⁹ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, принятая 10 июня 1958 года и вступившая в силу 7 июня 1959 года, 330 UNTS 38.

Определение «судебного решения» охватывает любой акт судебной власти, независимо от его названия, вынесенный «судом или трибуналом государства-члена». При этом сам Регламент не содержит определения понятия «суд или трибунал».

Новеллой Регламента стало то, что статья 2(a) прямо расширила понятие судебного решения, включив в него определенные виды обеспечительных мер, включая меры по защите иска. Однако признание и исполнение таких мер в других государствах-членах допускается только при соблюдении двух условий.

Во-первых, обращение обеспечительных мер возможно лишь в случае их вынесения судами, обладающими юрисдикцией по существу спора в соответствии с Регламентом. Это означает, что обеспечительные меры, вынесенные судами, обладающими юрисдикцией по существу спора только по национальному праву, не могут быть признаны или исполнены за рубежом в рамках Регламента.

Во-вторых, определение закрепляет существующую судебную практику (например, дело *Denilauler*, 125/79), исключаящую из обращения чисто односторонние (*ex parte*) обеспечительные меры. В результате обеспечительные меры могут быть признаны или исполнены только в случае, если должник был вызван в судебное заседание или ему было вручено решение, содержащее такие меры, до начала исполнения. Данное исключение *ex parte* мер из механизма обращения вызывает практические сложности. Так, Исследование показало, что, например, в Австрии и Чешской Республике большинство обеспечительных мер носит *ex parte* характер, а следовательно, не может быть приведено в исполнение в других государствах-членах в рамках Регламента. В более общем плане, хотя действующая система обеспечивает защиту процессуальных прав ответчика, ключевое свойство обеспечительных мер — возможность быстрого и эффективного исполнения — оказывается подорванным. Кредитору приходится выбирать между эффектом внезапности, свойственным односторонним процедурам, ограничением действия мер лишь территорией государства, их предоставившего, или вынесением решения, которое может обращаться, но требует предварительного участия (и тем самым предупреждения) должника.

Проблемы возникают также в связи с перечнем органов, признанных «судами» для целей Регламента в статье 3. В решении *Pula Parking* (C-551/15), рассматривая вопрос о том, могут ли хорватские нотариусы квалифицироваться как «суд или трибунал» в смысле Регламента, Суд ЕС ответил отрицательно, сославшись на отсутствие состязательности, что соответствует ранее сформулированным подходам (в частности, делу *Denilauler*). При этом следует учитывать, что хорватская процедура весьма схожа с венгерской нотариальной процедурой вынесения приказа о платеже, прямо упомянутой в статье 3(a). Неудивительно, что большинство респондентов, указавших на проблемность понятия «суд или трибунал», представляли Хорватию, а

ряд государств-членов выразил заинтересованность в расширении перечня органов, упомянутых в статье 3, при внесении изменений в Регламент.

Подавляющее большинство респондентов не выявило иных затруднений с определениями. Следовательно, возможный будущий пересмотр Регламента мог бы дополнительно рассмотреть этот вопрос, включая возможность дать определение или описание понятия «суд или трибунал», что, с одной стороны, повысило бы эффективность Регламента, а с другой — могло бы исключить необходимость введения исключений. Также требуется дальнейшее обсуждение концепции обеспечительных мер, в частности, стоит ли включать экс-парте меры.

3. ЮРИСДИКЦИЯ

3.1. Возможное расширение правил юрисдикции на ответчиков, имеющих место жительства в третьих странах

Правила юрисдикции, установленные в Главе II Регламента, применяются к делам, где ответчик имеет место жительства в государстве-члене, за исключением некоторых специфических ситуаций (потребительские договоры, индивидуальные трудовые договоры, случаи, когда суд имеет исключительную юрисдикцию, или когда суд выбирается сторонами). Для любых других споров, в которых участвует ответчик, имеющий место жительства за пределами Союза, юрисдикция определяется национальным законодательством государств-членов¹⁰.

Предложение Комиссии 2010 года о переработке Регламента Брюссель I¹¹ (далее «Предложение 2010 года») предполагало расширение действия Регламента на юрисдикцию по спорам, в которых ответчики имеют место жительства за пределами Союза. В ходе законодательного процесса считалось, что такое решение может быть уместным в некоторых ситуациях, например, когда одна из сторон договора рассматривается как более слабая сторона (например, в потребительских договорах или индивидуальных трудовых договорах), однако для повсеместного применения предпочтительнее было бы найти многостороннее решение. В то время такой многосторонний механизм мог быть рассмотрен, в частности, в рамках Гаагской конференции по международному частному праву.

Такое решение могло бы быть найдено в рамках тогда продолжающихся переговоров, которые в конечном итоге привели к принятию в 2019 году Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам (далее — «Конвенция о судебных решениях»).

¹⁰ См. статью 6 Регламента.

¹¹ См. Предложение Регламента Европейского парламента и Совета о подсудности, признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам, 14.12.2010, COM(2010) 748 final.

Однако данный инструмент не содержит прямых оснований для установления юрисдикции, а лишь косвенно ссылается на юрисдикцию как на предварительное условие для признания и исполнения. В настоящее время работа по вопросам юрисдикции продолжается в рамках Гаагской конференции, но маловероятно, что она приведет к обязательному многостороннему решению по прямым основаниям юрисдикции.

Отсутствие таких правил в Регламенте создает несколько проблем¹². Во-первых, поскольку национальные законы государств-членов сильно различаются, существующее положение дел создает неравный доступ к правосудию и неравные условия для бизнеса и граждан ЕС и третьих стран, участвующих в международных (вне ЕС) сделках, в зависимости исключительно от того, где они имеют место жительства. В то время как стороны в некоторых государствах-членах могут предъявлять иски ответчикам из третьих стран на основании широкого спектра оснований для юрисдикции, включая порой чрезмерные, другие стороны в других государствах-членах могут столкнуться с более ограниченным кругом оснований для предъявления таких исков¹³. Эта неравная ситуация усугубляется тем, что рассматриваемые судебные решения могут быть признаны и приведены в исполнение по всему Союзу на основании Регламента, даже если юрисдикция суда происхождения является чрезмерной.

Кроме того, такое положение дел, по-видимому, отрицательно сказывается на делах, связанных с бизнесом и правами человека. В таких судебных процессах часто пострадавшие¹⁴ стремятся подать иск как против иностранного предприятия, имеющего место жительства за пределами ЕС, так и против контролирующей материнской компании, часто базирующейся в ЕС. Разные государства-члены имеют различные правила относительно возможности установления юрисдикции над дочерней компанией из третьей страны по месту нахождения материнской компании. Такая ситуация создает правовую неопределенность и, вновь, ставит стороны из ЕС, в данном случае как истца, так и ответчика — материнскую компанию из ЕС, в неравное положение. Действующие правила статьи 8, которые позволяют концентрировать производство по месту жительства одного из ответчиков, не применяются, если один из них имеет место жительства за пределами ЕС (см. Sapir и другие, C-645/11). Это означает, что если национальные правила не допускают концентрацию производства, могут возникнуть два параллельных дела: одно против материнской компании в ЕС и

¹² Как подтверждено консультационными мероприятиями, проведёнными в рамках Исследования.

¹³ Это может иметь значение, например, в отношении инфлюенсеров, имеющих место жительства вне ЕС и участвующих в маркетинге товаров для покупателей в ЕС, не являясь при этом продавцами таких товаров.

¹⁴ Независимо от места жительства потерпевшего — внутри или вне ЕС.

другое против дочерней компании в третьей стране, с риском получения противоречивых решений.

Исследование выявило смешанную картину относительно расширения правил юрисдикции на ответчиков, имеющих место жительства в третьих странах. Многие респонденты не выразили мнение о том, является ли отсутствие таких правил проблемой. Большинство государств-членов не считали отсутствие правил проблемой, однако некоторые критиковали текущее положение дел за увеличение транзакционных издержек и усложнение работы для истцов, практикующих юристов и судов.

В результате, возможный будущий пересмотр Регламента может дополнительно рассмотреть вопрос о расширении правил юрисдикции, чтобы включить споры с участием ответчиков, имеющих место жительства за пределами Союза.

3.2. Особая юрисдикция (статьи 7–9)

Исследование и Национальные отчёты проекта JUDGTRUST, как и ожидалось, показывают, что среди правил особой юрисдикции чаще всего применяется статья 7, в то время как статья 8 применяется редко¹⁵, а практика или обсуждения в литературе относительно статьи 9 практически отсутствуют¹⁶.

Статья 7 была лишь незначительно изменена в ходе предыдущей переработки Регламента и продолжает широко применяться национальными судами. В результате она вызвала больше обращений за предварительными решениями в Суде ЕС, чем любая другая норма Регламента.

Большинство государств-членов сообщили, что применение статьи 7 не вызывает проблем. Согласно исследованию, не сообщалось о проблемах с применением статей 7(3)–7(7)¹⁷, поскольку они продолжают редко использоваться на практике. Однако многочисленные обращения национальных судов в Суд ЕС, подтверждённые ответами нескольких государств-членов, выявляют ряд серьёзных вопросов, связанных со статьями 7(1) и 7(2):

- Все более широкая интерпретация понятия «вопросы, связанные с договором».
- Определение места исполнения договорных обязательств.
- Определение места причинения ущерба в случаях чистого финансового убытка.

¹⁵ Следует отметить, что недавние обращения в Суд ЕС демонстрируют всё более частое использование статьи 8(1) в делах о картелях. Подробный анализ применения статьи 8(1) приведён в Части I рабочего документа служб, прилагаемого к настоящему Докладу.

¹⁶ По этой причине в настоящем Докладе не рассматривается применение статьи 9.

¹⁷ За исключением академических дискуссий, касающихся статей 7(4) и 7(5) в небольшом числе государств-членов.

- Применение принципа «мозаики» в делах о нарушении права на неприкосновенность частной жизни.

3.2.1. Статья 7(1)

Статья 7(1) устанавливает правило особой юрисдикции по спорам, связанным с договорными обязательствами. Однако она не даёт определения понятия «договорные вопросы» и не содержит указаний в этом отношении.

Недавние решения Суда ЕС, такие как *flightright GmbH* (Объединённые дела C-274/16, C-447/16 и C-448/16) и *Feniks* (C-337/17), показывают, что понятие «вопросы, связанные с договором» трактуется широко. Это понятие распространяется на действия, которые могут быть связаны с договором, даже если между сторонами процесса договор не был заключён¹⁸, если договор оспаривается или признан недействительным, либо если договор заключён между другими сторонами, не участвующими в процессе.

Исследование и обращения национальных судов в Суд ЕС показывают, что широкая интерпретация понятия «вопросы, связанные с договором» может создавать практические трудности в некоторых случаях, особенно когда такая интерпретация отличается от интерпретации аналогичных национальных концепции или считается сложным согласовать с принципами близости и предсказуемости, лежащими в основе статьи 7(1). В этой связи предполагается, что широкая интерпретация понятия «вопросы, связанные с договором» может приводить к значительной правовой неопределённости для третьих лиц, которые могут оказаться привлечёнными к суду в месте исполнения договора, о котором они не знали. Эта проблема особенно актуальна для исков, основанных на *actio pauliana*, которые, согласно решению в деле *Feniks* (C-337/17), также считаются «вопросами, связанными с договором».

Как только национальный суд устанавливает, что ситуация подпадает под сферу применения статьи 7(1), то есть является «вопросом, связанным с договором», он должен определить место исполнения договорного обязательства. Это представляется сложным, учитывая, что решения, принятые Судом ЕС¹⁹ в конкретных случаях, не всегда могут быть распространены на дела с иной фактической ситуацией, особенно в случаях, когда существуют множественные места исполнения и множественные обязательства, или в отношении договоров, не предполагающих физической передачи товаров, что становится всё более актуальным в цифровой

¹⁸ Например, когда пассажир требует от фактического перевозчика выплаты компенсации за задержанный рейс, несмотря на то что договор был заключён с другим перевозчиком.

¹⁹ См. в этом отношении постановления от 3 мая 2007 г. по делу *Color Drack*, C-386/05, ECLI:EU:C:2007:262; от 9 июля 2009 г. по делу *Rehder*, C-204/98, ECLI:EU:C:2009:439; от 11 марта 2010 г. по делу *Wood Floor Solutions Andreas Domberger GmbH v Silva Trade SA*, C-19/09, ECLI:EU:C:2010:137.

экономике (например, договоры на предоставление цифровых услуг или цифрового контента, включая данные). Этот аспект иллюстрируется недавним решением в деле *Varius Systems (C-526/23)*, где место исполнения должно было быть определено для договора, по которому заявитель, находящийся в Австрии, разрабатывал и поставлял программное обеспечение для ответчика, находящегося в Германии, для оценки тестов на COVID-19, используемых в немецких центрах тестирования. В данном случае суд, направляющий дело, усомнился, находится ли место исполнения в Австрии, где выполняется интеллектуальное создание («программирование») программного обеспечения и где зарегистрировано предприятие, или в Германии, где программное обеспечение достигает клиента и используется им.

Что касается определения места исполнения в случаях с множественными местами исполнения, факт того, что национальные суды продолжают каждый раз обращаться за разъяснением применения статьи 7(1) к Суду ЕС, когда ситуация по основному делу отличается от ранее рассмотренных Судом, указывает на необходимость более общего руководства, особенно учитывая, что правило статьи 7(1) регулирует не только международную юрисдикцию, но и территориальную юрисдикцию внутри государства-члена²⁰²¹.

Наконец, касательно определения места исполнения, исследование показывает, что некоторые государства-члены выражают озабоченность тем, что они воспринимают сложную структуру статьи 7(1). Статья 7(1) предусматривает автономное понятие места исполнения для двух типов договоров (купли-продажи и оказания услуг) в статье 7(1)(b), при этом сохраняя редко применяемую формулу *Tessili* для других типов договоров в статье 7(1)(c), хотя эта формула воспринимается как особенно сложная и непрактичная на практике. В соответствии с *Tessili (12/76)* национальные суды должны опираться на применимое национальное право для определения места исполнения в отсутствие соглашения сторон по этому вопросу. Это означает, что уже на этапе оценки юрисдикции национальные суды должны выполнять многоступенчатую процедуру: сначала определить, какое именно «обязательство имеет значение», а затем — определить применимое материальное право на основе коллизионных норм, и только тогда суды могут применить это национальное материальное право для определения места исполнения.

²⁰Сходные проблемы при применении статьи 7(2) в делах, где ущерб возникает в нескольких местах, были выявлены нидерландским судом в недавнем запросе о вынесении предварительного решения (дело *Apple*, C-34/24).

²¹ Согласно Исследованию, в таких случаях (и, более широко, во всех случаях, когда определение места исполнения является затруднительным) некоторые учёные предлагают сделать статью 7(1) недоступной для истцов. В качестве альтернативы они предлагают, при соблюдении различных условий, заменить критерий статьи 7(1) местом жительства истца.

В будущем пересмотре Регламента можно рассмотреть возможности упрощения правил о месте исполнения, изложенных в статье 7(1).

3.2.2. Статья 7(2)

Если статья 7(1) касается договорных обязательств, то статья 7(2) устанавливает правила особой юрисдикции для дел о деликтах. Автономная интерпретация понятия «деликт» создала определённые сложности²², но разграничение между статьями 7(1) и 7(2) не вызвало серьёзных проблем на практике, отчасти благодаря недавнему всеобъемлющему руководству, предоставленному Судом ЕС в деле *Wikingerhof* (C-59/19)²³.

Локализация места причинения ущерба в случаях чистого финансового убытка и применение «мозаичного» принципа в делах о нарушении прав личности представляются наиболее проблемными аспектами применения статьи 7(2).

• Локализация чистого финансового убытка

Что касается локализации чистого финансового ущерба, Суд ЕС разработал значительный массив прецедентного права, которое, однако, не всегда обеспечивает желаемый уровень правовой определённости. Судебные решения, такие как *Kolassa* (C-375/13) и *Universal Music* (C-12/15)²⁴, не дали исчерпывающих указаний, что

²² Несколько государств-членов сообщили, что они рассматривают такое автономное толкование как сложное, противоречивое и являющееся источником правовой неопределённости. Например, в деле *Brogstetter* (C-548/12) Суд ЕС постановил, что иск о гражданской ответственности должен рассматриваться как «вопрос, связанный с договором», несмотря на его квалификацию как деликта по национальному праву. Более того, в соответствии с судебной практикой Суда ЕС одно понятие в рамках Регламента Рим II (*culpa in contrahendo*) подпадает под действие статьи 7(2) Регламента, тогда как другое (*необоснованное обогащение*) — нет.

²³ В пунктах 32 и 33 этого постановления Суд ЕС установил, что иск касается вопросов, связанных с договором, если для установления законного или, наоборот, незаконного характера действий, о которых жалуется истец в отношении ответчика, представляется необходимым толкование договора между ответчиком и истцом. Это, в частности, касается иска, основанного на условиях договора или на нормах права, применимых в силу этого договора. Напротив, если истец опирается на нормы ответственности за деликт, правонарушение или квазиделикт, то есть нарушение обязанности, установленной законом, и при этом не требуется исследовать содержание заключённого с ответчиком договора для оценки законности или незаконности действий последнего, поскольку эта обязанность применяется к ответчику независимо от договора, то основание иска относится к деликту, правонарушению или квазиделикту в смысле пункта 2 статьи 7 Регламента.

²⁴ В делах *Kolassa* и *Universal Music* сторона, понёсшая чистый финансовый ущерб в результате неблагоприятного договора, предъявляла иск о возмещении убытков на внедоговорной основе к третьей стороне, которая не была стороной договора, но была ответственна за неблагоприятный договор и последовавший ущерб. В деле *Kolassa* Суд ЕС постановил, что суды государства-члена, где имеет место жительства инвестор и где находится повреждённый банковский счёт, обладают юрисдикцией рассматривать

привело к дополнительным обращениям национальных судов за разъяснением статьи 7(2).

Из практики Суда следует, что простое местонахождение инвестиционного счёта не может считаться достаточным для установления места, где произошёл чистый финансовый ущерб. Более того, до настоящего времени отсутствует ясный и последовательный подход ко всем обстоятельствам, которые должны быть учтены при определении юрисдикции суда в делах о месте причинения ущерба. Это иллюстрируется решением в деле *Kronhofer* (C-168/02), где Суд ЕС постановил, что ни место жительства заявителя, ни место концентрации его активов не могут рассматриваться как фактор, определяющий юрисдикцию, если соответствующий инвестиционный счёт находится в другой юрисдикции, но не указал, какой именно соединяющий фактор будет достаточным.

В недавнем решении Суда ЕС по делу *VEB* (C-709/19) Суд опирался на так называемую «рыночную локализацию» ущерба и постановил, что международную юрисдикцию имеют только суды государства-члена, в котором зарегистрированная компания обязана выполнять свои обязательства по отчетности, исключив местожительство акционеров, которые понесли финансовый убыток на своих инвестиционных счетах, как определяющий фактор для установления места возникновения ущерба. Тем не менее, не до конца ясно, должны ли национальные суды по-прежнему учитывать оба критерия при определении места чистого финансового ущерба.

Неопределённость в отношении критериев, которые национальные суды должны учитывать при определении места чистого финансового ущерба для целей международной и территориальной юрисдикции, а также отсутствие ясности в прецедентной практике Суда ЕС в этом отношении нежелательны и создают риск неравномерного применения статьи 7(2) Регламента. По этой причине было предложено отказаться от выбора между местом события, вызвавшего ущерб, и местом его наступления в ситуациях, связанных с чистым финансовым ущербом, и предоставлять юрисдикцию только судам места события, вызвавшего ущерб (*locus delicti commissi*)²⁵. В этом контексте следует учитывать, что Регламент Рим II²⁶ допускает для целей определения применимого права только страну, где произошёл ущерб.

трансграничные внедоговорные иски, касающиеся чистого финансового ущерба. В деле *Universal Music* Суд ЕС установил, что недостаточно учитывать только место расположения банковского счёта, где непосредственно возник финансовый ущерб.

²⁵ См. заключение генерального адвоката Санчес-Бордона, вынесенное 17 декабря 2020 года по делу *VEB*, пункт 33.

²⁶ Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 года о праве, применимом к внедоговорным обязательствам (Рим II).

• Нарушение прав личности

Что касается защиты прав личности, основные споры касаются применения критерия места наступления ущерба к публикациям и так называемого «мозаичного» принципа, впервые установленного в деле *Shevill* (C-68/93) в отношении бумажных публикаций и впоследствии распространённого на онлайн-публикации. В деле *Shevill* Суд ЕС постановил, что статья 7(2) Регламента предоставляет юрисдикцию судам каждого государства-члена, в котором публикация была распространена и где потерпевший утверждает, что его репутация пострадала, как место, где реализовался ущерб, но только относительно ущерба, причинённого в этом государстве, а не глобального ущерба²⁷. В делах *eDate* (C-509/09 и C-161/10) «мозаичный» принцип был расширен на случаи нарушения прав личности в интернете. Однако в случае онлайн-контента юрисдикцию рассматривали суды по месту нахождения центра интересов потерпевшего²⁸, которые имели право рассматривать весь ущерб²⁹. Различие между онлайн- и офлайн-контентом можно критиковать как трудное для практического применения, поскольку большинство газет доступны как в печатном виде (офлайн), так и онлайн³⁰.

Согласно исследованию и результатам проекта JUDGE TRUST, прецедентная практика Суда ЕС по вопросам нарушения прав личности подвергалась критике со стороны учёных, некоторых Генеральных адвокатов и практикующих юристов. Критики утверждают, что само лишь наличие доступа к нарушающему контенту недостаточно для установления юрисдикции на основании места наступления ущерба, а применение «мозаичного» принципа приводит к множественности форумов, что не соответствует законным интересам сторон и противоречит целям предсказуемости и эффективного правосудия³¹.

²⁷ Такой ущерб может быть заявлен только в государстве-члене, где имеет место жительства ответчик (статья 4), или там, где произошло событие, повлекшее ущерб (статья 7(2)).

²⁸ Понимается как указание, более точно, на место, где лицо получает наибольшие экономические, политические, социальные или даже просто реляционные выгоды от своей репутации.

²⁹ Это было подтверждено в делах *Bolagsupplysningen* (C-194/16), *Mittelbayerischer Verlag* (C-800/19) и *Gtflix Tv v DR* (C-251/20), а также тем, что суды всех других государств-членов, где информация была доступна, компетентны рассматривать только ущерб, возникший в соответствующем государстве-члене. Суд ЕС далее уточнил, что только суды, обладающие юрисдикцией в отношении всего ущерба, компетентны рассматривать запросы о удалении и исправлении якобы уничижительного содержания, поскольку такие запросы не могут быть разделены по государствам-членам аналогично сумме убытков.

³⁰ В результате суды обязаны выполнить сложную задачу определения в центре интереса, какой ущерб был причинён в сети (может быть заявлен по всему миру) или вне сети (может быть заявлен только в одном государстве-члене).

³¹ В свою очередь, большинство государств-членов запрашивают разъяснения по практическому определению размера убытков, различию между обычным местом

Эта критика особенно актуальна в контексте явления стратегических исков против участия общества в публичной жизни («SLAPPs»), с которыми недавно принятая Директива против SLAPP³² направлена на борьбу. SLAPP представляет собой злоупотребление судебным процессом, целью которого не является реальное осуществление права на доступ к правосудию, а служит инструментом запугивания ответчика. Такие процессы могут базироваться на различных основаниях, наиболее распространёнными из которых являются обвинения в клевете или другие нарушения права на неприкосновенность частной жизни. Иски о клевете с требованием компенсации ущерба или запретительных мер часто направлены против журналистов и могут намеренно использоваться для подавления критики или ограничения роли СМИ как «сторожевого пса». Судебные притеснения могут усугубляться применением мозаичного подхода, который создаёт большое количество доступных юрисдикций, к которым может обращаться истец, в том числе параллельно, с целью исчерпания ресурсов ответчика. По этой причине в ходе переговоров по Директиве против SLAPP Комиссия взяла на себя обязательство посредством декларации дополнительно рассмотреть этот вопрос в рамках предстоящего пересмотра Регламента.

В заключение, хотя статья 7 в целом функционирует эффективно, многочисленные обращения национальных судов в Суд ЕС, подтверждённые ответами государств-членов, выявляют проблемы в применении статей 7(1) и 7(2). Что касается статьи 7(1), основными проблемами являются широкая интерпретация понятия «вопросы, относящиеся к контракту» и определение места исполнения обязательства. В отношении статьи 7(2) обсуждения сосредоточены на трудностях определения места наступления ущерба в случаях чистого финансового убытка, а также на продолжающейся актуальности мозаичного принципа в делах о нарушении прав на неприкосновенность частной жизни. Следующий пересмотр Регламента мог бы рассмотреть возможности упрощения и модернизации статей 7(1) и 7(2).

3.3. Защитные правила юрисдикции по договорам с потребителями³³ (статьи 17–19)

Статьи 10–23 Регламента устанавливают правила юрисдикции, направленные на

жительства и центром интересов, которые должны быть предоставлены либо Судом ЕС, либо законодательным органом.

³² Директива (ЕС) 2024/1069 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 года о защите лиц, участвующих в публичной деятельности, от явно необоснованных исков или злоупотреблений судебным разбирательством («Стратегические иски против участия в публичной деятельности»), OJ L, 2024/1069, 16.04.2024.

³³ Применение правил юрисдикции к договорам с потребителями вызвало большинство практических вопросов. По этой причине анализ применения этих правил включён в основной текст Доклада. Анализ применения правил юрисдикции в страховых вопросах и по индивидуальным трудовым договорам приведён в Части I рабочего документа служб, прилагаемого к настоящему Докладу.

защиту процессуального положения более слабой стороны в спорах, касающихся страхования, потребителей и трудовых отношений.

По сравнению с предшествующими нормами, Регламент дополнительно усилил эту защиту. Основное изменение, введённое посредством расширения личного сферы действия в статье 6(1) и последующих корректировок в статьях 18(1) и 21(2), позволило использовать защитные правила юрисдикции для потребителей, проживающих в государстве-члене, и работников в спорах против торговцев и работодателей, зарегистрированных за пределами ЕС. Кроме того, изменение статьи 20(1) позволило работникам подавать иски против нескольких работодателей в соответствии со статьей 8(1), изменяя позицию, ранее изложенную в деле *Glaxosmithkline (C-462/06)*³⁴.

Защитные правила юрисдикции по договорам с потребителями предоставляют потребителям выбор между форумом *rei* и форумом *actoris* для договоров с потребителями в понимании статьи 17 Регламента. В то же время статья 18(2) ограничивает возможность предъявления иска к потребителям исключительно судами по месту их жительства.

На основании национальных отчётов проекта JUDGTRUST большинство государств-членов считают, что правила Регламента обеспечивают достаточный уровень защиты потребителей, хотя в некоторых странах учёные предлагают повысить этот уровень, например, расширив сферу применения статей 17–19 на иски о деликтах, выходящие за рамки неразрывной связи с ответственностью по договору, фактически заключённому потребителем с продавцом или поставщиком.

Основные трудности, связанные с применением защитных правил юрисдикции по договорам с потребителями, касаются:

- Понятия «потребитель».
- Понятия «осуществление коммерческой деятельности».
- Исключения транспортных договоров в статье 17(3).
- Не применения правил юрисдикции в коллективных исках³⁵.

а) Понятие «потребитель» и последствия изменения места жительства потребителя

Исследование подчеркнуло трудности, связанные с квалификацией лица как

³⁴ Кроме того, в статье 26(2) была введена новая норма, касающаяся молчаливого продления юрисдикции в свете постановления Суда ЕС по делу *ČPP Vienna Insurance Group (C-111/09)*: суд, к которому обращено дело, теперь обязан обеспечить информирование более слабой стороны (ответчика) о праве заявить возражение относительно отсутствия юрисдикции и о последствиях несоблюдения этого права.

³⁵ Этот вопрос рассматривается в пункте 6.1 Доклада.

потребителя. Как правило, Суд ЕС интерпретирует понятие «потребитель» ограничительно и определяет его в противопоставлении «экономическому оператору» (профессионалу)³⁶. Тем не менее, в некоторых случаях Суд ЕС, похоже, использовал несколько более широкую интерпретацию.

Например, в деле *Petruchová* (C-218/18) Суд ЕС пришёл к выводу, что для онлайн-инвестиций финансовая компетентность сама по себе не исключает статуса потребителя. Аналогично, в деле *Personal Exchange International* (C-774/19) онлайн-покерист был признан потребителем, несмотря на большое количество часов игры в день и значительные выигрыши, при условии, что он официально не декларировал такую деятельность и не предлагал её третьим лицам как платную услугу.

В деле *Schrems* (C-498/16) Суд ЕС постановил, что изменение использования аккаунта Facebook с исключительно непрофессионального на частично профессиональное не влечёт утраты статуса «потребителя» в понимании Регламента, при условии, что преобладающее непрофессиональное использование услуг, для которых заявитель первоначально заключил договор, впоследствии не стало преимущественно профессиональным. Конкретно, Суд постановил, что использование аккаунта для деятельности по публикации книг, лекциям, ведению сайтов, сбору средств и предъявлению требований от имени многочисленных потребителей для целей их исполнения не лишает пользователя частного аккаунта Facebook статуса «потребителя».

Напротив, в деле *Wurth Automotive GmbH* (C-177/22) Суд ЕС, опираясь на своё предыдущее решение в деле *Gruber* (C-464/01), постановил, что при установлении того, может ли лицо считаться потребителем, также может учитываться, создала ли данная персона своим поведением в отношении другой стороны впечатление, что она действует в коммерческих целях, так что другая сторона могла обоснованно не подозревать о непрофессиональном характере рассматриваемой сделки. Если это так, специальные правила юрисдикции по вопросам, связанным с договорами с потребителями, не применяются, несмотря на объективное наличие договора с потребителем.

b) Понятие «осуществление коммерческой деятельности»

В делах *Rammer* (C-585/08) и *Hotel Alpenhof* (C-144/09) Суд ЕС постановил, что среди факторов, позволяющих определить, направлена ли деятельность на государство-член по месту жительства потребителя, следует учитывать «все явные проявления намерения привлечь клиентов из этого государства» и довольно обширный, не исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут учитываться для этой цели³⁷.

³⁶ См., в этом отношении, дело *Schrems* (C-498/16), пункт 29, и цитируемую судебную практику.

³⁷ Пункт 80.

К таким обстоятельствам относятся: международный характер деятельности, например определённые туристические услуги; указание телефонных номеров с международным кодом; использование доменного имени верхнего уровня, отличного от домена государства-члена, в котором зарегистрирован предприниматель, например «.de», или использование нейтральных доменов верхнего уровня, таких как «.com» или «.eu»; описание маршрутов из одного или нескольких других государств-членов до места предоставления услуги; упоминание международной клиентуры, состоящей из потребителей, зарегистрированных в различных государствах-членах, в частности посредством представления счётов, составленных такими клиентами³⁸.

Тем не менее, национальные суды продолжают направлять запросы на предварительное решение по различным делам, связанным с предложением услуг и товаров через интернет³⁹, что показывает, что интерпретация и применение требования о направлении коммерческой деятельности в понимании статьи 17(1)(с) Регламента остаётся сложной в цифровом контексте.

с) Исключение транспортных договоров в статье 17(3)

Правила Регламента, регулирующие юрисдикцию в отношении договоров с потребителями, охватывают все виды договоров. Единственное исключение предусмотрено в статье 17(3) и касается транспортных договоров, за исключением тех, которые по фиксированной цене объединяют поездку и проживание.

Хотя причины такого исключения не изменились, т.е. продолжают применяться специальные отраслевые правила в международных конвенциях и других инструментах ЕС по транспорту, Исследование и национальные отчёты показывают, что многие государства-члены теперь считают это исключение необоснованным и требуют его отмены. Некоторые государства-члены указывают, что это исключение ограничивает доступ потребителя к правосудию в спорах о правах пассажиров авиарейсов, особенно в случаях, когда место жительства потребителя не совпадает с местом вылета или прибытия самолёта, которые являются доступными форумами на основании места исполнения договора.

Кроме того, Исследование показывает, что отсутствие охвата транспортных договоров приводит к неравномерному применению Регламента в государствах-членах. Несколько государств-членов определяют юрисдикцию для таких договоров на основании общих правил Регламента (DE, DK, BG, NL, PT), на международные

³⁸ Пункт 81.

³⁹ Что касается, в частности, статьи 15(1)(с) Регламента № 44/2001, см. постановления по делам *Mühlleitner* (C-190/11), *Emrek* (C-218/12) и *Hobohm* (C-297/14). В более позднее время см., например, запрос о вынесении предварительного решения по делу *Commerzbank* (C-296/20), касающийся толкования идентичной нормы в рамках Лугандской конвенции; и дело *Lännen MCE* (C-104/22), посвящённое толкованию этого понятия в сфере товарных знаков ЕС.

конвенции, которые имеют преимущество над Регламентом (CY, DE, HU, IT, PT), либо на национальные нормы (LT, PT).

Для принятия решения о том, следует ли сохранять или исключить данное положение из Регламента, необходимо, в частности, оценить, обеспечивают ли другие инструменты ЕС или международные соглашения достаточную защиту прав потребителей в сфере международной юрисдикции.

В заключение, правила о защитной юрисдикции Регламента в целом функционируют хорошо и обеспечивают удовлетворительный уровень защиты потребителей. Тем не менее, отдельные аспекты защиты потребителей могут быть дополнительно уточнены посредством судебной практики или усилены законодательным вмешательством, что потребует дальнейшего анализа при проведении обзора.

3.4. Исключительная юрисдикция (статья 24)

Положения об исключительной юрисдикции, которые имеют преимущество над общими правилами и являются обязательными, содержатся в разделе 6 главы II Регламента и состоят из одной статьи — статьи 24. За исключением кодификации судебной практики по делу GAT (C-4/03) в статье 24(4), Регламент не вносил иных изменений в эту категорию юрисдикции.

Исследование показывает, что государства-члены не выявили существенных трудностей в применении этой категории юрисдикции либо отметили ограниченную национальную судебную практику по данному вопросу. Основная критика касается уникального изменения, внесённого Регламентом, а именно расширения сферы применения статьи 24(4) на дела, связанные с действительностью патентов, когда этот вопрос поднимается в качестве возражения⁴⁰.

Некоторые государства-члены, поддержанные Генеральным адвокатом Эмилиу⁴¹, критиковали кодификацию практики по делу GAT в статье 24(4) за отсутствие ясности относительно того, подпадает ли нарушение права на промышленную собственность под её действие; распространение решения Суда ЕС, принятое в очень специфическом («аномальном») деле, касавшемся иска компании о признании немецкими судами того, что она не нарушила два французских патента, принадлежащих немецкой компании («негативная декларация»), на «обычные» дела о нарушении патентов; выделение данной нормы в системе исключительной юрисдикции, поскольку другие правила статьи 24 не применяются к делам, где

⁴⁰ Несколько других трудностей, связанных с применением статьи 24, были отмечены некоторыми государствами-членами: проблематичное различие между вещными правами и обязательственными правами, а также противоречивая судебная практика по этому вопросу.

⁴¹ Заключение генерального адвоката Эмилиу от 22 февраля 2024 года по делу *BSH Hausgeräte*, C-339/22, ECLI:EU:C:2024:159.

вопросы поднимаются только в качестве защиты; возможность злоупотреблений через так называемые «торпедные» иски и препятствие праву владельца патента на эффективное средство защиты, а также нарушению требований эффективности процедуры и надлежащего управления правосудием.

Кроме того, ставился вопрос, может ли статья 24 иметь рефлексивное действие (*effet réflexe*) и обязаны ли суды государств-членов рассматривать споры, подпадающие под сферу действия статьи 24, в случаях с сильной связью с третьими государствами. В частности, обсуждалось, даёт ли статья 24 судам государств-членов возможность выбора либо обязывает их не рассматривать дело, даже если ответчик имеет место жительства в государстве-члене или суд государства-члена может основывать свою юрисдикцию на других правилах Регламента, в случаях, когда патент зарегистрирован или недвижимое имущество находится в третьем государстве, как это происходит в отношении патентов или имущества в других государствах-членах.

Недавнее решение Суда ЕС по делу BSH Hausgeräte (C-339/22) дало ответ на вопрос, который ранее разделял суды государств-членов и учёных на два противоположные лагеря. В данном решении Суд ЕС разъяснил, что статья 24(4) не имеет рефлексивного действия⁴². Этот вывод можно распространить на всю статью 24.

Кроме того, в решении по делу BSH Hausgeräte (C-339/22) Суд ЕС уточнил своё постановление по делу GAT, указав, что суд государства-члена, в котором имеет место жительства ответчик, и который рассматривает дело о предполагаемом нарушении патента, выданного в другом государстве-члене, сохраняет юрисдикцию для рассмотрения такого иска, если в контексте этого дела ответчик оспаривает действительность патента в качестве защиты, тогда как суды другого государства-члена имеют исключительную юрисдикцию для вынесения решения по действительности патента.

В заключение, правила, устанавливающие исключительную юрисдикцию Регламента, в целом функционируют эффективно. Тем не менее, при будущем обзоре Регламента можно будет пересмотреть формулировку статьи 24(4), направленную на кодификацию практики GAT, с учётом последних событий, связанных с BSH Hausgeräte.

4. ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ

Регламент отменил необходимость получения декларации о возможности исполнения (*exequatur*) для приведения в исполнение иностранного решения, что было оправдано взаимным доверием в осуществлении правосудия между государствами-членами. Новая система в целом функционирует эффективно и положительно сказалась на

⁴² Вопросы, переданные шведским судом, касаются толкования и сферы применения статьи 24(4) Регламента в споре о нарушении патента, в котором ответчик оспаривает действительность соответствующих патентов в странах их подачи или регистрации.

снижении расходов и нагрузки на суды⁴³. Существуют некоторые национальные различия, связанные, в частности, с толкованием оснований для отказа в признании, однако это не влияет на общее хорошее функционирование системы признания и исполнения. Суд толковал эти основания для отказа последовательно на протяжении многих лет, и немногие дела, инициированные в рамках Регламента, не изменили этой ситуации. В целом, несмотря на отсутствие особых проблем, связанных с новой системой признания и исполнения, ряд технических вопросов может потребовать дополнительного анализа при возможном будущем обзоре.

Применение оснований для отказа

Статья 45 Регламента перечисляет основания, которые могут привести к отказу в признании и приведении в исполнение. Эти основания варьируются от нарушения общественного порядка в рассматриваемом государстве-члене, до надлежащего вручения процессуальных документов должнику и несовместимости с другими решениями.

Понятие общественного порядка неоднократно становилось предметом запросов в Суд ЕС. Хотя Суд оставляет интерпретацию этого понятия за национальными судами, он может проверять пределы такого применения (*Diageo Brands*, C-681/13). Например, в деле *H Limited* (C-568/20) Суд подтвердил устоявшуюся практику, согласно которой общественный порядок должен трактоваться узко и может применяться «только если признание решения, вынесенного в данном государстве-члене, составляло бы явное нарушение правовой нормы, признаваемой существенной в правовом порядке государства, в котором запрашивается признание, либо права, признаваемого фундаментальным в данном правовом порядке». В более позднем деле (*Real Madrid Club de Fútbol*, C-633/22) Суд указал, что явное нарушение фундаментального права в соответствии с Хартией основных прав ЕС может составлять нарушение общественного порядка, которое оправдывает отказ в исполнении. При этом Суд в том же решении признал, что принцип взаимного доверия требует от всех государств-членов признания того, что другие государства-члены соблюдают право ЕС, в частности закреплённые в нём фундаментальные права.

На национальном уровне основание общественного порядка редко используется для отказа в признании и приведении в исполнение, и, если применяется, успеха оно достигает крайне редко⁴⁴. Это демонстрирует, что, как

⁴³ Действительно, хотя Исследование подтвердило эти выводы во многих государствах-членах, некоторые респонденты также отметили более ограниченное влияние, главным образом из-за сохранения оснований для отказа.

⁴⁴ Проект JUDGTRUST показывает, что это основание для отказа редко используется в некоторых государствах-членах (Эстония, Франция, Италия, Нидерланды). Даже в случаях более частого применения суды редко используют его для отказа в признании и приведении в исполнение (Болгария, Польша).

правило, национальные суды следуют практике Суда ЕС и применяют узкую интерпретацию данного понятия.

Статья 45(1), пункты (с) и (d) содержат два основания для отказа, которые касаются несоответствующего решения между одними и теми же сторонами в рассматриваемом государстве-члене (пункт (с)) либо более раннего решения между теми же сторонами и по тому же предмету спора, вынесенного в другом государстве-члене или в третьем государстве (пункт (d)). В деле *London Steam-Ship Owners' Mutual Insurance (C-700/20)* Суд поставил вопросы относительно значения соблюдения правил *lis pendens*, предусмотренных статьями 29–30, в контексте применения основания для отказа по несоответствующим решениям⁴⁵.

Действительно, за исключением случаев, когда суд государства происхождения имеет исключительную юрисдикцию, Регламент не содержит механизма контроля за соблюдением правил *lis pendens*, применяемых по статьям 29–30⁴⁶. В отличие от этих положений, которые благоприятствуют суду, первым возбужденному, пункт (d) статьи 45(1) благоприятствует более раннему решению, даже если производство было начато после того, что привело к решению, подлежащему признанию и исполнению. С другой стороны, пункт (с) статьи 45(1) не содержит временных требований, но его область применения шире, чем у правил *lis pendens*.

В результате, хотя основание для отказа, связанное с общественным порядком, на практике не вызывает трудностей, возможный будущий обзор Регламента может дополнительно рассмотреть согласованность между пунктами (с) и (d) статьи 45(1) и правилами *lis pendens*.

5. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ИНСТРУМЕНТАМИ (СТАТЬИ 67–74)

Регламент существенно не изменил правила, регулирующие его отношения с другими инструментами ЕС или международными соглашениями, за исключением новых положений, направленных на реализацию так называемого «патентного пакета» в статьях 71a–71d, а также уточнения соотношения Регламента с Конвенцией о Лозанне⁴⁷, Нью-Йоркской конвенцией⁴⁸ и двусторонними конвенциями и

⁴⁵Рассматриваемое дело касалось конкретной ситуации, когда решение суда, к которому вторично обратилось дело, было вынесено в форме арбитражного решения.

⁴⁶ Это стало ясно из постановления по делу *Liberato*, рассмотренного в 2019 году Судом по Регламенту Брюссель I. В этом постановлении Суд указал, что даже при нарушении правила *lis pendens* суды государства-члена, к которому первое было подано дело, не могут отказать в признании исключительно по этой причине. Аналогично, такое нарушение не является явно противоречащим публичному порядку государства-члена, в котором запрашивается признание.

⁴⁷ Конвенция о подсудности и признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 30 октября 2007 года, OJ L 339 от 21.12.2007, с. 1.

⁴⁸ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, принятая 10 июня 1958 года, вступившая в силу 7 июня 1959 года, 330 UNTS 38 (Нью-Йоркская

соглашениями между третьими государствами и государствами-членами, заключёнными до 1 марта 2002 года, в статье 73.

Применение этих правил в государствах-членах крайне неоднородно. Поскольку Единый патентный суд начал свою деятельность лишь 1 июня 2023 года, статьи 71а–71d ещё не оказали влияния на практику судов ни в одном государстве-члене или на уровне судебной системы ЕС. Напротив, широкое применение статьи 71 национальными судами наблюдается в большинстве государств-членов. Список международных конвенций, которые вызвали применение статьи 71, включает...

В различных государствах-членах список таких конвенций достаточно широк, при этом наиболее часто упоминаются CMR⁴⁹ и другие конвенции в области транспорта.

В своём решении по делу TNT Express Netherlands (C-533/08) Суд постановил, что положение Регламента Брюссель I, идентичное действующей статье 71, направлено на координацию Регламента с специализированными международными конвенциями. Более того, Суд указал, что такая координация должна осуществляться без ущерба для фундаментальных принципов, лежащих в основе Регламента, а именно: свободы обращения судебных решений в гражданских и коммерческих делах, предсказуемости юрисдикции, надлежащего отправления правосудия, минимизации риска параллельных процессов и взаимного доверия в отправлении правосудия в Европейском Союзе. В этом решении Суд установил так называемый «тест TNT», который национальные суды должны применять в ситуациях, когда правила Регламента и специализированной конвенции, подпадающей под действие статьи 71, применяются одновременно, чтобы гарантировать, что правила специализированных конвенций применяются только в том случае, если они не негативно влияют на фундаментальные принципы, лежащие в основе брюссельской системы. Суд ЕС неоднократно подтверждал эти принципы, в последний раз в деле Gjensidige (C-90/22).

Запрос Верховного суда Литвы в деле Gjensidige (C-90/22) наглядно иллюстрирует трудности, с которыми сталкиваются национальные суды при применении статьи 71 Регламента. Эти трудности в первую очередь связаны с неопределённостью теста TNT и рассматриваются как фактор, угрожающий единообразному применению статьи 71 в государствах-членах, особенно учитывая, что аналогичные проблемы отмечены и в других государствах-членах.

В целом, положения Регламента, регулирующие соотношение с другими инструментами ЕС и международными конвенциями, при их применении работают

конвенция).

⁴⁹ Конвенция о договоре международной перевозки грузов автомобильным транспортом, подписанная в Женеве 19 мая 1956 года, с изменениями, внесёнными Протоколом, подписанным в Женеве 5 июля 1978 года.

достаточно эффективно и обеспечивают необходимую ясность относительно места Регламента в системе инструментов ЕС и международных соглашений, также регулирующих вопросы международной юрисдикции или признания и приведения в исполнение судебных решений. Тем не менее, будущий обзор Регламента может рассмотреть возможность дальнейшего уточнения статьи 71 с учётом толкований Суда ЕС.

6. ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

6.1. Коллективные иски

Регламент не содержит специальных правил, применимых к массовым искам, как правило, действиям, когда группа истцов требует возмещения ущерба от одного или нескольких ответчиков, известным как коллективная защита интересов (collective redress), как определено в Рекомендации Европейской комиссии 2013 года⁵⁰. Представительские иски для защиты коллективных интересов потребителей, предусмотренные Директивой о представительских исках (ЕС) 2020/1828⁵¹, подпадают под определение коллективной защиты интересов, указанное в последней Рекомендации. Возникают вопросы относительно того, насколько применение обычных правил о юрисдикции в делах о деликтах или потребительских договорах подходит для эффективного рассмотрения коллективных исков.

Суд ЕС не раз рассматривал дела этого типа. В деле Henkel (C-167/00) Суд пришёл к выводу, что статья 5(3) Брюссельской конвенции (статья 7(2) Регламента) применима к искам, предъявляемым организацией, представляющей интересы потребителей. В то же время Суд подчеркнул, что специальная защита, предоставляемая отдельным потребителям в Разделе 4 Регламента, к таким организациям не распространяется. В деле Schrems (C-498/16) Суд постановил, что если претензии были переданы истцу-потребителю другими потребителями, проживающими в том же государстве-члене или в другом (в другом государстве-члене или за пределами ЕС), истец не может ссылаться на юрисдикцию по месту своего жительства для этих переданных требований на основании статьи 18 Регламента.

В двух последующих решениях по коллективным искам Суд дал дополнительные разъяснения по применению статьи 7(2) в подобных ситуациях: необходимо оценивать место причинения вреда для каждого требования независимо от последующей передачи или консолидации (CDC Hydrogen Peroxide SA, C-352/13); или

⁵⁰ См. Рекомендацию Комиссии от 11 июня 2013 года о единых принципах механизмов коллективной защиты с обеспечительными и компенсационными средствами в государствах-членах в отношении нарушений прав, предоставленных в соответствии с правом Союза (2013/396/EU), OJ L 201 от 26.07.2013.

⁵¹ Директива (ЕС) 2020/1828 Европейского парламента и Совета от 25 ноября 2020 года о представительских исках для защиты коллективных интересов потребителей и об отмене Директивы 2009/22/ЕС (текст, имеющий значение для ЕЭЗ), OJ L 409 от 04.12.2020, с. 1.

в случае транспортных средств с модифицированным программным обеспечением место причинения вреда находится в государстве-члене, где приобретены дефектные товары (VKI v Volkswagen, C-343/19). Вопрос толкования статьи 7(2) также возник в недавнем деле, находившемся на рассмотрении на момент подготовки настоящего отчёта (Stichting Right to Consumer Justice v Apple, C-34/32).

В этом деле несколько вопросов относительно интерпретации места причинения вреда или места наступления ущерба были переданы в Суд в контексте иска о возмещении ущерба за предполагаемое нарушение законодательства ЕС о конкуренции онлайн-платформой, доступной, по сути, по всему миру. В своём заключении от 27 марта 2025 года Генеральный адвокат Санчес-Бордона указал, что ключевым соединяющим фактором для обоих мест является место жительства пользователя. Важным является мнение Генерального адвоката о том, что статья 7(2) не должна толковаться иначе, если иск предъявляет организация, уполномоченная в соответствии с национальным законодательством предъявлять представительские иски. Кроме того, Генеральный адвокат счёл, что национальное процессуальное правило, позволяющее суду консолидировать аналогичные иски, находящиеся на рассмотрении в одном государстве-члене, совместимо со статьёй 7(2).

Все вопросы, поднятые в этих делах, касались юрисдикции судов, а именно текущей сложной практики применения статьи 7(2) в коллективных исках из-за невозможности консолидации дел в одном суде или отсутствия возможности консолидации по месту жительства одного из истцов (*forum actoris*) в коллективных потребительских исках, где потребители проживают в одном или разных государствах-членах⁵².

Регламент, по-видимому, может создавать ненужные трудности для истцов в коллективных исках, поскольку в большинстве случаев им придётся обращаться более чем в один суд для ведения процесса. Это, в свою очередь, может приводить к несовместимым решениям. Несмотря на то, что правило о связанных исках в статье 30 Регламента может предоставить решение данной ситуации, истцы всё равно обязаны подать заявления в различные суды до возможной консолидации в суде, который был первым обращён. Это создаёт дополнительное бремя для истцов, особенно если они являются слабой стороной.

В связи с этим возможный будущий обзор Регламента мог бы дополнительно рассмотреть этот вопрос, в частности, насколько Регламент эффективно регулирует юрисдикцию в коллективных (потребительских) исках.

6.2. Влияние цифровизации на Регламент

Цифровая трансформация началась задолго до принятия Регламента, но ускорилась

⁵² Исследование выявило ту же проблему — крайне ограниченные возможности для консолидации.

беспрецедентным образом, в том числе в контексте кризиса COVID-19. Наблюдается беспрецедентный сдвиг в коммерческую деятельность от преимущественно офлайн-формата к онлайн-формату, включая использование социальных сетей, «умных» устройств, криптовалют и технологий блокчейн, а также резкий рост спроса на дистанционную и платформенную работу, что ускорило цифровую трансформацию рабочих процессов в Европейском союзе и за его пределами. Одновременно кризис COVID-19 подчеркнул важность цифровизации судебных процедур для обеспечения доступа к правосудию.

6.2.1. Цифровизация «контента»

Рост числа «цифровых» отношений, которые по своей природе являются внетерриториальными, а также всё более широкое использование цифровых технологий, ставших вездесущими, неизбежно создали множество проблем для применения Регламента, который устанавливает правила юрисдикции, традиционно основанные на географических соединяющих факторах.

Направление запросов в Суд ЕС с целью получения разъяснений по применению Регламента к «цифровому контенту» хорошо иллюстрирует эти основные проблемы. Национальные суды сталкиваются с трудностями при определении, было ли соглашение о передаче юрисдикции заключено онлайн надлежащим образом (Tilman, C-358/21), при определении места исполнения относительно поставки цифровых товаров или предоставления онлайн-услуг (VariusSystems, C-526/23), при определении места причинения ущерба приложением, которое может быть загружено по всему миру (Apple, C-34/24), и так далее.

Ожидаемый рост использования технологий блокчейн, усиление цифровизации при создании компаний, внедрение искусственного интеллекта в различных секторах и создание метавселенных, безусловно, породят новые вопросы и проблемы. Например, псевдонимность (или анонимность) участников транзакций и часто неизвестное количество участников в сети блокчейн могут затруднить применение базового правила о месте жительства ответчика.

Однако на данный момент трудности, с которыми сталкиваются национальные суды при применении Регламента в цифровом контексте, не сильно отличаются от возникающих в «нецифровом» контексте. Так, число запросов о разъяснении места исполнения онлайн-контракта для целей статьи 7 Регламента не превышает числа подобных запросов по офлайн-контрактам. Более того, как и в случае применения Регламента в офлайн-сфере, Суд ЕС предоставил полезные разъяснения по применению правил Регламента к цифровому контенту.

В заключение, на данном этапе ни вопросы, направленные в Суд ЕС, ни его решения, ни скудные данные, собранные на национальном уровне⁵³, не позволяют

⁵³ Сбор данных о влиянии цифровизации контента на применение Регламента, проведённый

сделать однозначные выводы о пригодности действующих правил Регламента в условиях постоянно растущей цифровизации.

6.2.2. Цифровизация судебных процедур

Что касается цифровизации судебных процедур, Комиссия активно работает над цифровизацией систем правосудия с особым акцентом на цифровое трансграничное сотрудничество по гражданским и коммерческим делам, чтобы обеспечить непрерывный доступ к правосудию, плавное и эффективное судебное взаимодействие, а также сокращение процессуальных задержек, административной нагрузки и расходов. Эта работа завершилась принятием Пакета цифровизации⁵⁴ в конце 2023 года, который изменил каналы коммуникации для компетентные судебные органы для 24 правовых актов (в том числе Регламента) на цифровую основу и установила цифровой канал связи (European electronic access point — EEAP) между физическими или юридическими лицами и компетентными органами для определённых ограниченных коммуникаций в гражданских и коммерческих делах, включая производство по признанию, выдаче декларации о возможности исполнения или отказе в признании, а также процедуры, связанные с выдачей, исправлением и отзывом сертификата в рамках Регламента. Эти усилия сопровождаются активными национальными инициативами государств-членов, что отражено в ежегодном отчёте EU Justice Scoreboard⁵⁵ и в Стратегии Совета «European e-Justice Strategy 2024 – 2028»⁵⁶.

Для достижения целей Пакета цифровизации Комиссия обязана принять ряд исполнительных актов. В отношении Регламента исполнительный акт должен быть принят до 17 января 2029 года и будет касаться, главным образом, создания децентрализованной ИТ-системы для связи между компетентными судебными органами и интеграции EEAP для нескольких коммуникационных процессов, таких как

в рамках Исследования, дал скудные результаты как на уровне Союза, так и на национальном уровне. Неясно, объясняется ли это отсутствием информации о таких делах или же отсутствием судебных разбирательств.

⁵⁴ Регламент (ЕС) 2023/2844 Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2023 года о цифровизации судебного сотрудничества и доступа к правосудию по трансграничным гражданским, коммерческим и уголовным делам, а также о внесении изменений в отдельные акты в области судебного сотрудничества и Директива (ЕС) 2023/2843.

Регламент (ЕС) Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2023 года о внесении изменений в Директивы 2011/99/EU и 2014/41/EU Европейского парламента и Совета, Директиву Совета 2003/8/ЕС и Рамочные решения Совета 2002/584/JHA, 2003/577/JHA, 2005/214/JHA, 2006/783/JHA, 2008/909/JHA, 2008/947/JHA, 2009/829/JHA и 2009/948/JHA в части цифровизации судебного сотрудничества.

⁵⁵ Коммуникация Комиссии от 20 марта 2024 года к Европейскому парламенту, Совету, Европейскому центральному банку, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов (COM (2023) 309 final): Ежегодная шкала оценки правосудия ЕС 2023.

⁵⁶ <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15509-2023-INIT/en/pdf>

производство об отказе в признании в соответствии со статьёй 45 Регламента, а также процедуры, связанные с выдачей, исправлением и отзывом сертификатов. После внедрения эти новые правила станут применимы в государствах-членах к началу 2031 года и позволят упростить и ускорить процедуры в гражданских и коммерческих делах с трансграничным элементом.

Помимо цифровизации существующих процедур через изменение канала коммуникации с помощью Пакета цифровизации, будущий обзор Регламента мог бы также рассмотреть дополнительные способы модернизации функционирования Регламента. Такая модернизация могла бы учитывать преимущества цифровизации и предусматривать сокращение различных сроков или улучшение коммуникации между судами, например, в случае параллельных процессов. Также может быть рассмотрена полная цифровизация судебных процедур по делам, к которым применяется Регламент.

В заключение, на данном этапе Комиссия не располагает достаточными данными, свидетельствующими о несоответствии правил Регламента по международной юрисдикции для цифровых сценариев и транзакций, однако развитие ситуации следует продолжать внимательно отслеживать. Вместе с тем, обзор Регламента мог бы исследовать возможные пути пересмотра и упрощения процедур в рамках цифровой реформы систем гражданского правосудия, инициированной Пакетом цифровизации.

7. Заключительные замечания

За более чем десять лет применения Регламент функционировал хорошо и, как правило, достигал своих основных целей — повышения правовой определённости в отношении судов, обладающих юрисдикцией по трансграничным спорам, и упрощения механизма признания и исполнения судебных решений.

Тем не менее, в области, которая не была полностью охвачена при пересмотре Регламента, а именно, **расширение правил юрисдикции на ответчиков, не имеющих места жительства в государстве-члене** требуется дальнейший анализ, чтобы определить, следует ли такое расширение осуществлять посредством законодательного вмешательства.

Кроме того, ряд понятий может потребовать дополнительного уточнения или упрощения для повышения их практической применимости. Это касается, в частности, положений о сфере применения Регламента, таких как **исключение арбитража**, а также понятий **«суд или трибунал»** и связанных с ними понятий **предварительных, включая защитные, мер**.

Аналогично, следует рассмотреть возможность дальнейшего упрощения и повышения эффективности положений о юрисдикции, особенно в отношении **Статей 7(1) и 7(2)**, а также положений, касающихся потребительских договоров. Аналогичный

подход может применяться к правилам о признании и приведении в исполнение судебных решений с целью их дальнейшей оптимизации и упрощения.

Необходим дополнительный анализ для оценки того, могут ли быть усовершенствованы необходимые процессуальные инструменты для рассмотрения определённых видов исков, таких как **коллективные иски**, посредством законодательного вмешательства.

Наконец, следует **изучить возможность улучшения координации между Регламентом и международными инструментами**, а также **пути модернизации и упрощения процедур** в рамках Регламента в контексте **цифровой реформы систем гражданского правосудия**.

Комиссия, исходя из вышеизложенного, **намерена инициировать официальное пересмотр** Регламента с целью рассмотрения и возможной подготовки предложения по внесению изменений или полной переработке Регламента в соответствии с принципами «Better Regulation», если данный пересмотр покажет, что изменения необходимы и целесообразны.